
Никита Королёв

ФОНАРИК В КАРМАНЕ

16+

Никита Королёв

Фонарик в кармане

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66910286

SelfPub; 2021

Аннотация

Днём я работаю в книжном, а ночью лазаю по заброшкам: в парках, на окраинах. Но как-то раз я нашёл одну, прямо в центре Москвы, которая оказалась не такой уж и заброшенной. Смогу ли я доказать её обитателям, что мне не место среди темноты и сырости бесконечных коридоров? Сумею ли выбраться оттуда, имея при себе лишь карманный фонарик?

Содержание

Часть I: Фонарик в кармане	4
Часть II: Похоронная свадьба	13

Никита Королёв

Фонарик в кармане

Часть I: Фонарик в кармане

В карманах наших одежд часто заваливается разная мелочёвка, которая становится вековыми отложениями забывчивости и лени. В моем случае это маленький голубой фонарик в форме дельфина. Я нажимаю кнопку, и его челюсти с крохотными зубчиками раскрываются, треща и обнажая маленькую лампочку. При свете дня усердия этого дельфинчика почти незаметны, однако в темноте их вполне хватает, чтобы осветить небольшой участок возле себя.

Помню тот день, когда я приобрёл его. В парке ко мне подошёл глухонемой и как бы невзначай положил эту маленькую игрушку на мою лавочку. Я наблюдал за тем, как глухонемой обходил другие лавочки, смотрел на его потертую сумку, перекинутую через плечо, и слышал его голос, звучащий из записки, приложенной к фонарику. Я видел, как другие отворачивались от этой милой безделушки, теснясь к краю лавочки, как они нервно улыбались глухонемому и отрицательно мотали головой, поэтому, когда он подошёл ко мне, я не смог отказать. С тех пор так и путешествует со мной этот фонарик-дельфин, а так как выхожу на улицу я преиму-

щественно ночью, он часто мне пригождается.

Я люблю гулять по ночной Москве, по её переулкам, выдыхающим после суматохи дня. В безлюдных проспектах и бульварах есть что-то от шахт, оставленных рабочими после трудовой смены. Какая-то остывающая пустыньность, такая же сладостная, как тишина в квартире после долгого гудения пылесоса.

Сейчас я ехал на велосипеде с намерением затеряться как можно глубже в угловатом лабиринте центральных улиц. Домой я могу больше не спешить – сегодня был мой последний рабочий день, потому что книжный, в котором я работал, закрыли. Говорят, на его месте будет кальянная. Моих накоплений ещё хватит на какое-то время, ну а после, если так ничего и не подвернётся, уеду обратно в родной Архангельск.

Полупрозрачная тревога о будущем развеялась при виде старинного трёхэтажного здания. Оно было в глубине двора. Сталинки надёжно укрывали его своими мощными спинами от шума и света большой дороги. При виде заброшки в самом центре города я, признаюсь, удивился. В моей коллекции есть множество заброшенных усадеб в парках, на окраине, но запущенный особняк посреди города был для меня новинку. Даже за забором чувствовался удушливый запах тления, исходивший от него, как от гнилого зуба.

Я припарковал велосипед за машиной и перелез через чёрный кованный забор. Окна первого этажа были заделаны листами фанеры. Я подошёл к тяжёлой дубовой двери и,

уже предчувствуя непреодолимое сопротивление, потянул за ручку. Однако вопреки моим ожиданиям дверь, протяжно скрипнув, открылась. Я вошёл внутрь, в отступившую перед уличным светом темноту.

Достав из кармана фонарик, я нажал на кнопку. Его треск разнесся эхом в просторном фойе. Первый этаж занимали гардероб и стойка администрации. На ней россыпью лежали пожелтевшие от времени бумаги. Из них я понял, что это какой-то департамент, но каких дел – не понятно. Ничто не указывало на его специализацию: ни его информационные стенды, ни ворох бумаг, хотя здесь, определённо, чем-то занимались. По бокам от стойки тянулись два коридора. Я пошёл по правому, но вскоре путь мне преградило что-то большое и чёрное, похожее на Цербера, с тремя головами, возвышающимся над широким телом. Но, наведя на него фонарик, я понял, что это просто диван, поставленный поперёк коридора, а «головами» оказалась его спинка с тремя дугами. Я мог бы перелезть через него и пойти дальше, но от его отсыревшей взлохмаченной обивки несло поистине аидовым смрадом, так что я развернулся и пошёл в другую сторону, по левому коридору, теперь уже освещая дорогу бледно-синим огоньком. Пол устилал ковёр бомжовой жизнедеятельности, стены обильно шелушились, а с потолка, как змеи, свисали оборванные провода. В конце коридора, за поворотом, оказалась отполированная каблуками каменная лестница. Поднявшись по ней, я вышел в коридор на втором этаже – и за-

мер. Повсюду были люди.

Как бы пытаюсь указать уму на их действительность, я навёл на них фонарик. То цветное разнообразие, которым располагала их мертвая плоть, запустило в моей голове карусель, только эта была не из телевизионной заставки и потому советских мультиков не сулила. Забежав в туалет, я опустошил содержимое желудка, протёр губы рукавом и огляделся. Туалет держал департаментскую марку, так что большого вреда я ему не нанёс.

Выглянул из-за дверного проёма. Люди по-прежнему сидели на пластмассовых сидюшках вдоль стен. Едва проникавший сюда свет уличного фонаря высветлял только их силуэты, скрюченные и перекошенные. И я даже подумал бы, что попал в коридор травмпункта, если бы травмы этих людей, как результаты соцопросов, не были не совместимы с жизнью. Женщина, сидевшая ближе всего к туалету, повернулась ко мне. Лица её не было видно – казалось, его скрывала темнота, но приглядевшись, я увидел, что его просто не было. Не сказать, что и на мне оно было в этот момент. На мгновение я оцепенел, но уже в следующее вышел в коридор и с каким-то новым, ещё не известным мне чувством спросил: «Кто последний?». Женщина без лица приподняла руку, и я сел рядом. Фонарик я решил больше не включать, чтобы не различать оттенки мертвечины. Кажется, я стал понимать мудрость одного светловолосого мертвеца, певшего: «With the lights out it less dangerous».

Двое мужчин напротив о чём-то переговаривались, но из их глоток доносились только хрипы истлевших связок, напоминавшие шелест спущенных гитарных струн. Может, здесь проходит кастинг на роль в антитабачной рекламе? Судя по тому, как челюсть одного ехидно подрагивала на лоскутке кожи, мужчины кого-то обсуждали или травили пошлые анекдоты. Из их ртов обильно вываливалась различная склизкая мразь и расплзалась по полу. Я поджал ноги, но постарался сделать это неприметно, чтобы не смутить тех двоих.

Дедушка, сидевший с другой стороны от меня, развернул свёрток фольги и достал оттуда бутерброд с копченой колбасой. Увидев, как из-под его рёбер сыплются комки плохо пережеванного чёрного хлеба, я предпочёл деликатно отвернуться. Смотреть по сторонам мне расхотелось, но глаза сами продолжали плутать по окружавшим меня личностям. Напротив, чуть правее, сидел парень и, уперев руки в колени, читал книгу. Будучи работником книжного и вообще заядлым читателем, я хотел было подойти к нему и спросить, что он читает. Но, приблизившись, заметил, что на разворот книги что-то накрапывало. Я поднял взгляд и увидел, что из глаза бедолаги торчит какой-то металлический штырь, и по нему, поблёскивая в тусклом фонарном свете, стекает что-то вязкое. В испуге я отшатнулся, и только тогда парень поднял на меня глаза, прекратив тем самым информационную утечку. В уголке его глаза сидел медицинский колышек. Я

попятился и наткнулся на кого-то спиной. Тот обернулся не сразу, по-видимому, слишком увлечённый изучением стойки информации, а когда всё-таки обернулся, на меня уставилась чернота пустых глазниц. Я отпрыгнул в центр коридора, и снова всё закрутилось, только на этот раз то была не карусель, а слова, подкатившие к горлу. Я хотел закричать, нет – завопить, как же все они здесь чертовски мертвы и безобразны, но слова разбегались по углам сознания, как тараканы в тёмных сырых коллекторах расползаются от света фонарика. Я не знал, с чего начать. К этому моменту я приковал к себе взгляды даже тех, кто зрительного органа был лишён. Я надрывался, как мог, но выдавил из себя лишь: «Вы же... вы же мёртвые все...» Явно разочарованные такой кульминацией, все вернулись к своим делам.

По коридору, шаркая шваброй, пошла уборщица. Её плечи навевали мысли о мясном отделе в продуктовом. Если конкретнее, о лотке с просрочкой. Под её орудием, как под скалкой, переминались упитанные крысиные тела, шприцы почтительно расступались, вздымая свои штыки, а бутылки раскатывались по сторонам и, звякая, бились о стены. По коридору разлился мелодичный звон, напоминавший ласковые переливы ксилофона.

Я чуть поостыл, и теперь мой бунт казался мне глупым ребячеством, самолюбивым посягательством на покой и без того побитых жизнью людей. Я сел на своё место и не отрывал взгляд от пола уже до подхода моей очереди. Женщи-

на без лица вышла из кабинета. На двери я с трудом различил чёрную табличку с позолоченными буквами «Отдел кадров». Она походила на те, что прибывают к деревянным крестам на свежих могилах, пока земля ещё не осела и нельзя поставить каменное надгробие. Я открыл дверь, и мне показалось, что за ней ещё одна – чёрная и глухая. Это была темнота. Я стоял на пороге, не в силах пошевелиться. Из глубины кабинета донеслось: «Проходите, не стесняйтесь. Только дверь за собой закройте». Я шагнул во тьму и, поглядев в последний раз на ожидавших в коридоре – теперь уже с какой-то отчаянной надеждой, – закрыл дверь. Остатки света померкли, и в глазах заплясали разноцветные маслянистые пятна.

– Чего хотели? – спросил вежливый голос из темноты.

Действительно, чего я хотел? Получить работу? Разобраться? Стараясь не выдавать своих сомнений, я сказал:

– Я хочу понять, что здесь происходит, почему вокруг одни мертвецы.

– Ой, да брось! А ты, можно подумать, живой, – ответила темнота.

– Я? Ну конечно, прислушайтесь! – моё сердце бешено колотилось, и, казалось, это уханье сотрясало плотную, как масло, темноту кабинета.

– Ну, пропусти через меня ток, и моё сердце разок, да стукнет, – сказала темнота непринуждённо.

– Нет, вы, видимо, не поняли... я живой, я мыслю.

– Ага, знаем мы эти ваши «я мыслю – значит, существую». Автор, кстати, тоже тут разводил эту демагогию. А сейчас вот, – темнота замолчала, видимо, куда-то указывая, – на доске почёта.

Тут мне стоит оговориться. Я думаю, во мне, где-то глубоко внутри, сидит та сила, которая всегда будет против моего счастья. Именно она посреди моей пламенной речи задаёт мне вопрос: «А как это у тебя получается?». Шальная мысль, которая, вероятно, и губит канатоходца, которому оставался всего один шаг до другого края пропасти. Какое-то ехидное сомнение, которое тем азартнее налегает на меня, чем сложнее ему себя внушить. К чему это я? Сейчас внутри меня что-то затрепетало.

– Нет, это просто смешно, да вы и сами это понимаете... Я страдаю, я хочу, я чувствую. Сейчас – страх не объяснить должным образом перед вами. Немного тревожусь о будущем, немного грущу о прошлом, томлюсь на слабом огне настоящего. Мне холодно, я хочу домой. Дома, непременно, захочу бросить всё к черту и уехать из города. Уехав, буду скрестить обратно в город. Сторонюсь людей, но встретив, в них растворяюсь. Понимаете?

Тишина. Кажется, я смог поставить на место некомпетентного сотрудника.

– Мальчик мой, – разверзлась тишина, – если ты можешь подёргать себя в известном месте и на секунду ощутить связь с космосом, это ещё не говорит о том, что ты жив.

«А как у тебя это получается?» – прорезался голосок в моей голове. Стало слишком темно, слишком душно, слишком страшно. Темнота уходила в бесконечность, была всем и ничем. Границы между пустотой и мной больше не было. От слов остались одни только сухие корки, забившие моё горло. Трясущейся рукой я вынул из кармана фонарик и нажал на кнопку. За мгновение перед тем, как фонарик погас, я увидел мужчину в чёрном плаще поверх коричневого вельветового жилета и лопату на столе перед ним. Кажется, он был живым. Лампочка в фонарике перегорела, и всё погрузилось во мрак, безотносительный и... умиротворяющий.

Часть II: Похоронная свадьба

На днях я женюсь. Она работает в моём отделе, мы познакомились у принтера. Вита, вместе с какими-то экселевскими таблицами, печатала стихи, мы разговорились, и я проводил её до рабочего места. Под монитором её компьютера ютились фигурки с непропорционально большими головами: Джокер, Человек-паук, Дэдпул и прочие. Под прозрачной клеёнкой был целый коллаж: листок с табулатурой для укулеле, фотка оголённого по торс Кайло Рена из «Звёздных войн», портретик, насколько я понял по одноглазому прищуру, Тома Йорка из Radiohead, выполненный карандашом, и несколько стихотворных клочков. Рядом с улыбочиво-страдальческим ликом Цветаевой было:

*«Забвенья милое искусство
Душой усвоено ужже,
Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе»*

А кругло вырезанный Гумилёв вещал:

*«Рассветет, полыхнёт колесо в небесах,
Завтра злой и весёлый восход,
Ты прочтёшь обо всём в новостях»*

Я крикнул, сдерживая смех. Вита, увидев, куда я смотрю, улыбнулась и продолжила вырезать Бродского. Рядом с ним она прилепила только одну строчку: «Пространство сделано из коридора».

Вита не помнит, как давно она здесь работает. Она говорит, со временем все здесь начинают забывать своё прошлое. Да и о будущем думают всё меньше и меньше. Она права. Я ничего вроде пока не забыл, но, когда пытаюсь вкусить воспоминания, они жмутся к стенкам сознания, как кофейная пенка, которая всё никак не идёт в рот. Мне кажется, со мной произошло что-то очень важное, но событие это потеряло вкус, обесцветилось за повседневностью и стало незаметным, как воздух

Смерть Вите к лицу: мраморная кожа, перламутровые глаза, тонкие, как ивовые прутики, руки, бурьян чёрных волос. Шагов её бледных ножек никогда не бывает слышно. После работы я провожал Виту, и мы шли бесконечными коридорами до её комнаты. Моя была на той же ветке, только на другом её конце. Мои глаза выцветают, но зато от темноты вокруг теперь не так в них рябит. Иногда кажется, что в лёгкие набилась пыль, а жизнь катится с гнусавым скрипом, как тележка с никому не нужным китайским барахлом – по душной электричке. Изо дня в день, из вагона в вагон. Ещё временами ловлю себя на мысли, что ничего не чувствую. Только холод внутри, от которого даже не хочется укрыться. Всякая моя эмоция болезненна и нервна. Всякое желание пеле-

нает нежная рука безразличия. После работы моё тело идёт спать. А по ночам я просыпаюсь от того, что по мне ползают чужие руки. Открываю глаза и понимаю, что это мои. По ним расплываются лиловые пятна. Наверное, отлежал. Спросил об этом Виту, она сказала, что всё нормально – я просто умираю.

Как-то мы всё мялись у её двери, не желая расходиться, и я зачитал ей свой стишок. Долго его вымучивал на бухгалтерских листах, но при его написании что-то встрепенулось во мне впервые за долгое время:

*«С тобой ослепну, всё забуду,
И в перламутре наших глаз
Мы скажем "нет" тоске и будням,
Пока рассвет не встретит нас»*

Слово за слово, строчка за строчкой, и в её комнату мы вошли уже намертво сцепленные.

Вскоре Вита переехала ко мне.

Мы занимались любовью так же, как ели холодную гречку с котлетой в буфете: по расписанию, из нужды и без удовольствия. Шею Виты опоясывал длинный шов, походивший на терновое кольцо и стягивающий края её плоти, безразличные друг к другу. Мои губы, лобзающие её шею, играли в классики. Но меня это несколько не охлаждало. Ибо куда уж холоднее? Я просто не чувствовал ничего сверх утоления жажды. Секс не приносил удовольствия, но наказывал за его от-

сутствие, и у меня не было сил, даже чтобы раздражаться по этому поводу. После я просто лежал, размазанный по кровати, и пялился в маленькое окошко, ведущее на поверхность, но почти целиком закрытое прутьями и козырьком, по которому днём барабанили ноги детей, видимо, возвращавшихся из школы. Там, в черноте за окном, ёлочной игрушкой сверкала звезда, облака спешили на ночной перегон. Иногда из наших издохших тел вылетали голоса и вились над потолком, а мы, словно не имея к ним никакого отношения, смотрели вверх убитыми глазами.

– Знаешь, – говорил мой, – у меня такое ощущение, что когда-то мы... ну, всё делали как-то иначе, думали, чувствовали... это даже называлось как-то по-другому.

– Не знала, что ты веришь в реинкарнацию, – сказала Вита.

– Я не об этом. Просто у меня чувство, что всё может быть как-то... ну, полнее, что ли, насыщеннее. А сейчас мы как на пустыре каком-то, как на кладбище. Вроде, уже не гости, но ещё не постояльцы.

– Ты хочешь сказать, что мы были... как те люди наверху?

Я снова уставился на кусочек неба, будто там, среди облаков, мог проплыть и ответ. Синяя звезда пульсировала, затухая и снова разгораясь.

– Не знаю. Может быть, мы пришли сюда когда-то давно, а дорогу назад забыли.

– А была ли она вообще, эта дорога?

– Ну, пока не попробуем её найти, не узнаем.

– А зачем её искать? Нет, можно, конечно, дрыгаться, пытаться сбежать с этого, как ты сказал, кладбища. Но я что-то не видела тех, кому это удалось. А можно попробовать здесь обжиться, – её пальцы медленно зашагали по моей груди, потом – по животу, – построить наш семейный склеп и наконец упокоиться. Как тебе такой вариант? – пальцы, уже прошедшие пупок, выжидающе застыли.

Звезда за окном погасла слишком надолго, и я увидел – это работал сварочный аппарат в голом скелете новостройки. Одеяло, кое-где прикрывавшее нас, вдруг стало каким-то колючим и жарким. Мне захотелось сорвать его с себя и швырнуть об стену, как змею.

– Ладно, поживём – увидим, – сказал я, аккуратно выскользнул из-под руки Виты и отвернулся к стене с ноющим чувством в груди. Совсем скоро Вита заснула, а я не спал до самого утра, наблюдая, как разгорается и гаснет звезда в руках рабочего.

Наше решение жениться было таким же естественным проявлением гражданственности, как оплатить товары на кассе. И взгляды коллег-покупателей этому проявлению способствовали. Со стороны Виты пришли всего две подруги. У одной после её последнего эпилептического припадка ещё не выпал завалившийся язык, вторая же умерла от рака гортани. Словом, они были идеальными подругами невесты.

Мне звать было некого, но стараниями отца Виты, началь-

ника отдела кадров, свадьба стала достоянием всего департамента. На мне был строгий костюмом и белая рубашка, а волосы топорщились от лака. Лиловые руки пришлось припудрить. Вита не хотела изощряться с нарядом, но её отец настоял на пышном платье, в котором она выглядела, как накрытый стол. В фойе мы встретились. Я замешкался, потому что не мог вспомнить имени начальника отдела кадров, да и его самого, а благословление он, будучи человеком занятым, прислал через секретаря.

– Жнец. Но ты можешь звать меня просто Женей, – угадывая мою забывчивость, сказал начальник отдела кадров.

– Спасибо, спасибо, извините, я так рад... – лепетал я, чувствуя себя рядом с ним почему-то бесконечно потерянным, – Я...

– Я знаю, кто ты, – Жнец похлопал меня по плечу и понизил голос: – Знаешь, я думаю, моя дочь сделала правильный выбор. – Он был в своём неизменном чёрном плаще поверх вельветового жилета, в руках – лопата, начищенная до блеска. Мой взгляд повис на её сверкающем острие, после чего, словно бы проследив какую-то гнусную траекторию, сместился на шею Виты. Температура внутри меня достигла какой-то новой отрицательной отметки, но заиграла музыка, и потоком людей нас унесло в зал бракосочетаний.

Гости и отдельные их части расселись вдоль стен. Шорохи прекратились, и зал замолчал. За столом регистратора сидела женщина. Её лицо всё было в трещинах, как старая шту-

катурка, а волосы походили на спутавшиеся засохшие водоросли. Ткань блузки, туго обтягивавшей её тучное тело, у левой груди впадала в какое-то углубление, а на столе, как яблоко на учительском, лежало ороговевшее сердце, истыканное иголками, а возле – катушки ниток и схема для вышивания. Регистратор торжественно закричала:

– Сегодня, тридцать первого октября, в дворце бракосочетаний номер два регистрируется брак между...

Завитые волосы Виты цвета вороного крыла спадали с узких плеч виноградными лозами, а лицо белело, как утренний снег. Взгляд её то задумчиво застывал, то беспокойно прыгал по лицам гостей, колоннам и сводам потолков, драгоценно сверкая.

– Сейчас по просьбе невесты я зачитаю следующие строки, – объявила регистратор, и глаза Виты настороженно замерли.

*«И если что-то в мире есть
За липкой сетью коридоров,
Чтоб ощутить на коже свет,
Сгореть дотла с тобой готова.
Но если там, за грудой досок,
За пыльным вырезом окна,
Есть мир прекрасный и жестокий,
Он только, милый, для тебя»*

В зале слышались шмыганье и перешептывания. Жнец

проверил мою железную тещу, покоившуюся на соседнем сидении и, казалось, от этих стихов немного покосившуюся. Это были строки Виты. Регистратор откашлялась, будто поперхнулась какой-то гадостью, и поспешно заговорила:

– Семья – это союз двух любящих людей и союз добровольный. Прежде, чем зарегистрировать ваш брак, я обязана спросить вас, является ли ваше желание вступить в брак искренним, свободным и обдуманном. Прошу ответить жёна.

– Да – сказал я.

Подплыл работник ЗАГСа, я взял кольцо с подушечки и одел его Вите на палец.

– Прошу ответить невесту.

Да, – сказала Вита, но никто не подошёл.

Гости стали переглядываться, словно бы ища кольцо друг у друга; работник ЗАГСа потерянно смотрел на подушечку в его руках.

– Оно у меня, – из складок своего подола Вита достала бархатную коробочку и протянула мне.

Зал затих, и в этом выжидающем молчании шелкнула отведённая кверху крышечка. Внутри лежал фонарик в форме дельфина. Когда-то бесконечно давно он был моим. Шеи выгибались, взгляды пытались заползти под крышку. Я вытащил фонарик за железное колечко и представил его залу. Гости, возмущённые таким дополнением к кольцу, охнули, а кости захрустели. Краем глаза я увидел, как Жнец или про-

сто Женя схватил лопату и поднялся со стула. Я заглянул Вите в глаза. В них было только ожидание. Я подошёл к ней, отвёл прядь с её щеки и прильнул к её губам. Мы целовались впервые, всегда предпочитая грубую страсть. Мы целовались в последний раз, потому что в моей руке что-то щёлкнуло и всё утонуло в дивном сиянии.

Я был в той самой приёмной, устланной мусором, откуда расходились два коридора, один из которых вёл наверх, в отдел кадров. Была та же глубокая ночь, на мне были те же серые спортивные, а волосы топорщились, но не от лака, а лишь от пота. И только капля на моей щеке была слишком горячей, чтобы упасть с потолка.

На первом утреннем поезде я уехал домой, в Архангельск. В съёмную квартиру я не заезжал – всё, что мне было нужно, лежало у меня в кармане.